

КЛЭР СВОТМЕН

прежде чем
ты уйдешь

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С25

Clare Swatman
BEFORE YOU GO
Copyright © Clare Swatman, 2017
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Александровой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-10975-9

© О. Александрова, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2017
Издательство Иностранка®

Пролог

29 июня 2013 года

Сегодня реально жаркий день, яркое солнце резко диссонирует с мрачным настроением Зои. Зои с бледным застывшим лицом вылезает из черного автомобиля и неверной походкой идет к низкому кирпичному зданию. Ее мать Сандра спешит к ней на помощь и предусмотрительно подхватывает дочь под локоть.

Кучка людей — их тени выглядят гротескно на полуденном солнце — топчется справа от двери. Зои не может разглядеть присутствующих: на ослепительном солнце их фигуры кажутся смутными силуэтами; один или двое курят, пуская дрожащие облачка дыма в теплый летний воздух. Они смотрят на Зои, кто-то с трудом выдавливает приветственную улыбку. Но Зои ничего не замечает.

Оказавшись внутри, мать и дочь направляются на негнущихся ногах к переднему ряду. Сьюзан, свекровь Зои, уже там. Глаза у нее красные, веки припухшие, несмотря на тщательно наложенный макияж. Когда мать и дочь садятся рядом, Сьюзан встречает их

вымученной улыбкой. Зои инстинктивно протягивает руку и сжимает лежащую на скамье ладонь свекрови.

За их спиной слышатся шарканье ног, сопение и приглушенные голоса рассаживающихся по местам участников скорбного мероприятия. Внимание Зои приковано к тому, что находится прямо перед глазами: к гробу Эда, установленному на столе в центре зала. Зои смотрит на этот с виду вполне безобидный деревянный ящик и не может поверить, что там лежит тело ее мужа, такое сильное, энергичное, живое. Нет, это абсолютно исключено.

И ужасно несправедливо.

Когда он умер, тоже стоял очень жаркий день. Зои носилась по квартире, запихивая в сумку самые разные вещи: лэптоп, ежедневник, яблоко, мобильный, диетическую колу, книжку, айпад.

— Еще немножко — и тебе понадобится выючная лошадь, чтобы доставить все это на работу, — пробормотал Эд с зубной щеткой во рту. У него с подбородка свисала ниточка зубной пасты, капающей на пол.

— Эд, ради всего святого! — Зои закатила глаза.

Зои чувствовала, что медленно, но верно начинает накаляться. Конечно, подобная реакция была не слишком адекватной, ведь Эд просто пытался поднять Зои настроение, но это было выше ее сил. Она вошла в ванную, оторвала кусок туалетной бумаги и, наклонившись, принялась оттирать зубную пасту. Ноготь застрял между половицами и сломался.

— Твою мать! — пробормотала она, чувствуя, как ярость, словно желчь, разъедает горло.

Она выпрямилась, распахнула дверцу шкафчика в ванной и принялась лихорадочно рыться в поисках маникюрных ножниц. Она опаздывала, Эд довел ее до белого каления, и ей хотелось побыстрее убраться из квартиры. Обнаружив искомый предмет, она отрезала висящий ноготь, швырнула ножницы обратно в шкафчик и с силой захлопнула дверцу.

Вернувшись из ванной, она увидела Эда, который, чтобы не путаться под ногами, затаился в гостиной. Хотя кто же его за это осудит?! Она была сама не своя в такие дни, непрошенный гнев клокотал внутри, в любую минуту грозя вырваться наружу. Однако понимать отнюдь не означало делать, а именно сдерживать ярость; причина в гормонах, она это знала. Вечно эти чертовы гормоны!

Открыв платяной шкаф, она принялась искать бо-соножки. И услышала приглушенный голос Эда, который что-то говорил ей из другой комнаты.

— Ну что еще?! — огрызнулась она, нагнув голову, чтобы лучше слышать.

Он появился в дверях, застегивая на ходу велосипедный шлем:

— Я уезжаю на работу. Увидимся позже.

— Пока.

Коротко и ясно. Она была не в том настроении, чтобы болтать, и муж это знал.

Он повернулся и ушел. Секундой позже хлопнула входная дверь. Зои услышала, как Эд снимает замок с велосипеда и катит прочь. Сердце на мгновение кольнуло чувство вины, но она отмахнулась и снова повернулась к шкафу.

Это было в последний раз, когда она видела его живым.

Однако новости она услышала уже позже. Все утро она просидела на переговорах, а когда вернулась к себе, то застала у своего письменного стола Олив, свою начальницу; лицо Олив было пепельным.

— Олив? Все в порядке? — удивилась Зои.

Олив не отвечала, и Зои забеспокоилась. Неужели она где-то напортичила? И теперь у нее проблемы?

— Пройдем со мной, — сказала Олив.

Ее голос звучал не сердито, не резко, а, скорее, успокаивающе, что еще больше озадачило Зои. Они вернулись в переговорную, откуда только что вышла Зои, Олив прикрыла за собой дверь.

— Садись. — Олив села и показала на соседний стул. — Пожалуйста. — (Зои выдвинула стул и нервно примостилась на самом краешке. У нее внезапно затряслись руки.) — Зои, я даже не знаю, как тебе об этом сказать, — без преамбулы начала Олив. — Произошел несчастный случай. Это Эд. Его сбил автобус.

Олив остановилась, и Зои задержала дыхание, с волнением ожидая продолжения, чтобы разом со всем покончить, но в то же время не желая слышать этих слов — не сейчас, не произнесенных вслух.

Осторожный стук в дверь нарушил ужасную тишину, Зои буквально подскочила на месте. Олив кинулась открывать. Зои повернулась в сторону двери — и мир рухнул.

На пороге стояли два офицера полиции. Спрашивали ее.

Вместо слов изо рта вырвался сдавленный вскрик. Она попыталась встать, но ноги подкосились, и она

снова рухнула на стул. У нее дрожали руки, а когда в комнату вошла женщина — офицер полиции, Зои подняла глаза на Олив, словно умоляя ее сказать, что это ужасная, чудовищная ошибка. Но Олив отвела взгляд.

Зои посмотрела на туфли женщины-полицейского. Они были начищены до такого блеска, что от носков отражался свет встроенных потолочных светильников. И Зои представила, как эта женщина сегодня утром, собираясь на работу, стояла на кухне, надраивала туфли и думала о предстоящем дне. Приходило ли ей в голову, что уже сегодня, только чуть позже, ей придется сообщить кому-то о смерти мужа?

Зои упорно молчала, уставившись в пол.

— Зои? — послышался чей-то голос.

Она подняла взгляд. И увидела обращенные к ней лица трех человек, которые ждали, когда она скажет хоть слово.

— Я... Я... — Слова застревали в горле. Ей с трудом удалось выдать: — Где он?

Явно почувствовав облегчение, что можно наконец открыть рот, вперед выступил мужчина-полицейский.

— Его отвезли в «Роял фри». Мне очень жаль... но врачи реально не могли ничего сделать. — Он сделал паузу. — Если хотите, мы можем отвезти вас туда.

Зои оцепенело кивнула и поднялась с места. К ней тут же подскочила Олив, которой очень хотелось быть хоть в чем-то полезной.

— Милая, давай пойдем и соберем твои вещи. — Она услужливо взяла Зои под руку и повела к двери.

Оказавшись на своем рабочем месте, Зои сняла со спинки стула кардиган, наклонилась, чтобы поднять

с пола сумку, и обшарила глазами стол — проверить, что ничего не забыла.

Затем они с Олив прошли за офицерами, и Олив помогла Зои сесть в полицейскую машину. Улица казалась странно притихшей. В глубине души Зои знала, что ей следует известить близких о том, что произошло, и, пока автомобиль медленно катил в сторону больницы, набрала знакомый номер. Джейн первая в списке. Ее лучшая подруга.

— Эй! — Джейн ответила после первого гудка. Ее голос, беспечный и жизнерадостный, звучал настолько неуместно, что Зои судорожно вздохнула. — Зо, что случилось?

— Эд... — прохрипела Зои, давась словами. — Это Эд. Он... Произошел несчастный случай, и... — Она не смогла закончить. Она больше не могла вымолвить ни слова. Впрочем, ей и не нужно было.

— Твою мать, Зо! Ты где? Я еду.

— «Роял фри». — Голос Зои походил на шелест.

— Все, я уже в пути.

Зои закончила разговор как раз в тот момент, когда они подъехали к больнице. Все, звонить кому-то еще больше нет времени. Солнце спряталось за коричневым кирпичным зданием, его силуэт кажется каким-то странно готическим, особенно на фоне ярко-голубого неба. Зои вылезла из автомобиля. Ноги подкашивались, она оступилась, и женщина-офицер — жаль, что Зои не запомнила ее имени, — подхватила ее под руку. Женщины вместе направились к дверям, и, когда они закрылись за Зои, ей показалось, будто она попала в ад.

Ее подвели к ряду стульев в маленькой комнатке, затерянной в недрах больницы. Зои смотрела невидящими глазами на развешенные на стене постеры с предложением помощи при тяжелых утратах и депрессии, читала слова, но не понимала их сути. Попытки выбросить все мысли из головы обессилили ее. Затем, услышав знакомый голос, она подняла глаза — перед ней была Джейн. Джейн стремительно пересекла комнату, и вот они уже крепко обнимают друг друга, а Зои рыдает: судорожно дергаясь и отчаянно всхлипывая так, что кажется, вот-вот разорвется сердце.

— Он... Он умер, — давясь соплями и слезами, сказала она.

— Ох, Зои, Зои, Зои. — Джейн твердой рукой поглаживала любимую подругу по спине.

Они стояли обнявшись, пока рыдания Зои не стихли, а потом сели, не разнимая рук.

— Я так ужасно обошлась с ним сегодня утром, — отдышавшись, сказала Зои. — Ему было противно на меня смотреть. Джейн, он меня ненавидел.

— Зои, Эд не мог тебя ненавидеть. Ведь он тебя обожал и знал, что ты его любишь. Я тебя умоляю, выброси подобные мысли из головы.

— Но я на него злилась, а он не сделал ничего плохого. Я даже не попрощалась с ним, и вот теперь его не стало, а я уже не смогу сказать ему, как сильно его люблю. Слишком поздно. И что, черт возьми, мне теперь делать?!

Но Джейн не успела ответить, так как пришел доктор и их провели туда, где лежал Эд, — идентифицировать тело. Зои, точно во сне, слушала, как врач объяснял, что Эда сбил автобус, что у него не было ни

единого шанса, что он умер еще по дороге в больницу. Слова «обширная травма мозга» и «мы ничего не могли сделать» не задерживаются у Зои в голове, ведь ей была непереносима сама мысль о том, что Эд страдал и мучился от боли. Все, о чем она могла думать, — это почему?! Почему она позволила ему уйти из дому, не успев сказать, что любит его? Если бы она задержала его хотя бы на пару минут в своих объятиях, он был бы сейчас жив и они могли бы все уладить; теперь она не сомневалась, что могли. Если бы она подвезла его на работу, чтобы ему не пришлось крутить педали, — ведь она ненавидела, когда он ездил на велосипеде, она всегда боялась, что его собьют и покалечат...

Но сейчас уже слишком поздно. Эд умер.

Господи, Эд умер!

Оцепеневшую, ее подвели к месту, где лежал Эд. Несмотря на ранения — его отмыли по мере возможности, однако на лице и на груди виднелись следы крови, — перед ней, без сомнения, был Эд, и ее захлестнуло непреодолимое желание прикоснуться к нему, обнять его, сказать, что все будет хорошо. Но она знала, что это невозможно. Поэтому она просто повернулась и пошла прочь, Джейн бережно поддерживала ее за плечи.

Следующие несколько часов прошли будто в тумане. Она до сих пор помнит, как какие-то люди приносили ей чай, обнимали ее, чтобы успокоить, помнила тарактение каталок за дверью комнаты для родственников, где она сидит. Затем приехала Сьюзан, мама Эда, и женщины крепко обнялись; их объединила скорбь, грозившая поглотить обеих.

И вот они снова рядом. Прошло всего десять дней, и это так больно, что Зои кажется, что она сейчас задохнется.

У нее из груди вырывается судорожный всхлип, и она поспешно прикрывает рот рукой, пытаясь собраться. Мать еще крепче сжимает ее ладонь.

Начинается церемония.

Зои сидит с сухими глазами, а священник тем временем говорит хорошие, добрые слова о ее муже.

Потом очередь Зои. Она не уверена, что способна выдержать эту крестную муку, но она обещала Сьюзан, и когда поднимается на кафедру с исчерканной каракулями бумажкой в руках и смотрит на лица людей, которые любили Эда и которые любят ее, то понимает, что просто обязана хоть что-то сказать. Зои делает шаг к микрофону:

— Я здесь набросала несколько слов, которые собиралась произнести, но сейчас сомневаюсь, что они самые правильные. — Ее голос на секунду прерывается, и Сандра вскакивает с места успокоить дочь, но Зои едва заметно качает головой и делает глубокий, судорожный вдох. — Последние пятнадцать лет Эд был моей вселенной, центром мироздания, и, если честно, жить в мире, где нет Эда, — для меня все равно что бесконечно брести по бескрайней пустыне. Полжизни осталось позади, и вот теперь его нет рядом. Все говорят, время лечит, но я не уверена, что хочу этого. Не хочу, чтобы воспоминания о нем, о нашей жизни вдвоем, развеялись без следа. Нет, я буду вечно хранить их в своем сердце, они помогут мне пережить черную полосу, которая, знаю, ждет меня впереди. — Зои делает паузу и смотрит на побелевшие костяшки

лежащих на кафедре пальцев рук. — И я буду вечно сожалеть о словах, что сгоряча обронила, и о тех, что не успела сказать. Сожалеть о том, что нельзя повернуть время вспять. Ведь тогда я не совершила бы того, что сделала в день его смерти, и не повторила бы прежних ошибок. Но это невозможно, а потому я постараюсь сохранить память о счастливых днях и забыть о плохих... — Зои на секунду замолкает, поднимает глаза и ловит взгляд Джейн — лицо подруги побледнело и осунулось, превратив ее в потускневшую версию прежней Джейн, — а затем продолжает: — Я надеюсь, что вы все сможете сделать то же самое. Вспоминать Эда с любовью. Я рада, что вы смогли прийти. Боюсь, без вас мне было бы не справиться. Спасибо вам... — И тут ее голос прерывается, по щекам текут слезы, и она торопится вернуться на место, в теплые материнские объятия.

Священник продолжает говорить, но Зои уже не воспринимает слов. И вот церемония закончена, гроб задерживают шторкой, звучит любимая песня Эда «Under My Thumb» группы «Роллинг стоунз».

— Нет! — кричит Зои.

Она отворачивается, закрывает лицо руками и дает волю слезам. А когда снова поднимает голову, Эда уже нет.

16 августа 2013 года

Зои, стоя у окна, трет виски, смотрит, как дождь ручьем стекает по грязному стеклу, и на душе становится еще тоскливее. Дождь вовсю барабанит по окну в такт тревожному стуку сердца, и Зои уже не разобрать, отчего помутнело стекло: то ли от капель дождя, то ли от слез.

За окном виднеется запущенный сад. Прошло меньше двух месяцев, но она уже позволила ему буйно разрастись, выйти из-под контроля. Головки роз в горшке поникли под собственной тяжестью; сорняки и чертополох победоносно заняли весь участок, деревянный настил замшел и стал скользким от переизбытка влаги. Зои на секунду закрывает глаза и представляет, как Эд, склонившись, работает в саду: сажает, подстригает, пропальывает. Крошечный клочок земли был для Эда источником радости и гордости, а также основным аргументом в пользу покупки именно этой квартиры. Да, Зои следовало лучше заботиться о растениях, но она до сих пор так и не смогла заставить се-

бя выйти в сад, поскольку при мысли о том, что ей больше не суждено увидеть там Эда, начинало щемить сердце.

Она засовывает руку в карман кардигана и нащупывает пакетик из фольги. Смотрит на часы. Последнюю таблетку она приняла всего лишь два часа назад и теперь ощущает себя как-то неуверенно. Но ей это реально нужно. Антидепрессант. Ведь она в депрессии. Просто, как дважды два. Она кидает таблетку в рот и, давась, проглатывает без воды.

Отойдя от окна, она проходит на кухню и отпирает заднюю дверь. Ключ не слушается, ей приходится повозиться. Но вот наконец замок щелкает, Зои распахивает дверь и выходит наружу. Дождь льет с такой силой, что намокшие волосы моментально прилипают к лицу, но Зои не обращает внимания. Она идет по дорожке — гравий громко хрустит под ногами — и ступает на деревянный настил, наклоняется и выдергивает чертополох, не обращая внимания на царапающие кожу острые колючки. Кидает сорняк на землю, поворачивается — выдергивает следующий и снова бросает. В груди клоочет гнев, и Зои выдергивает один сорняк за другим, уже не понимая, что делает. Растения разлетаются по сторонам, цветы роняют лепестки. Зои вымещает ярость именно на том самом месте их дома, которое Эд любил больше всего. От этого точно не станет легче, но ей уже не остановиться.

Дождь продолжает барабанить по голове, мокрая одежда облепляет тело, но Зои не чувствует холода: она вообще ничего не чувствует. Наконец, когда уже больше нечего выдергивать, Зои поворачивается и пе-

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ТЫ УЙДЕШЬ

реступает через рукотворную гору мокрой листвы; по бровям, по щекам, по губам течет вода. Зои ставит ногу на настил и собирается вернуться в дом, но нога подворачивается на сырой, скользкой поверхности и вместо этого делает выпад вперед. Она теряет равновесие, тело, как в замедленной съемке, откидывается назад; руки в попытке хоть за что-то зацепиться, лишь бы остановить падение, вращаются, точно крылья ветряной мельницы. Но Зои понимает, что хватается за воздух, и, когда она падает на мокрую землю, желудок оказывается где-то в районе горла. Зои кажется, что она кричит, хотя, может, и нет; ее голова врезается в керамический горшок для цветов, подпрыгивает и с тошнотворным глухим стуком ударяется о землю. Боль ужасная, но очень скоро Зои теряет сознание, и ее обволакивает чернота.

Глава 1

18 сентября 1993 года

Очнувшись, но продолжая лежать с закрытыми глазами, я начинаю понимать, что все неувлимо изменилось. И пока мой мозг отчаянно пытается осознать суть происходящего, в голове мелькает сумасшедшая мысль: а что, если это все просто ночной кошмар и Эд в результате не умер? Но потом я вспоминаю произошедшее, у меня начинаются спазмы в животе, мускулы сжимаются, я чувствую, как тоненькая нить, удерживающая меня на земле, опасно натягивается, грозя в любой момент оборваться.

Тогда что, собственно, сейчас может быть по-другому?

Даже с закрытыми глазами я знаю, что комната залита светом, и для начала это уже довольно странно. Я люблю, чтобы в комнате было темно. Могла ли я забыть опустить прошлой ночью жалюзи? Вполне возможно. Но у меня возникает ощущение, что тут определенно нечто большее.

А потом что-то всплывает в мозгу. Очень неотчетливо, словно в голове притаилось смутное воспоминание, стремящееся ускользнуть. Я была в саду. Шел дождь, я выдергивала сорняки, судорожно, отчаянно. Это я помню. Вот, пожалуй, и все. Дальше — провал в памяти. Чистый лист с точками отдельных отчетливых образов: падение, головная боль, розы, лицо Джейн, яркий свет флуоресцентных ламп... и пустота.

Могла ли я оказаться в больнице? Вполне возможно. Я упала, ударилась головой и теперь лежу здесь, на больничной кровати, уже в безопасности.

Что не лишено смысла, хотя, на мой взгляд, вовсе не это обстоятельство делает сегодняшний день отличным от других.

С минуту я лежу с закрытыми глазами, внимательно прислушиваясь к окружающим меня звукам. Я слышу гул радиатора, словно только что включили отопление. Слышу отдаленное бормотание радио и шум, похожий на гроыхание посуды на кухне, жужжание электронагревателя для душа, чей-то свист. Звуки привычные, но не совсем, и совершенно не типичные для больницы.

Наконец я делаю попытку разлепить глаза, и расплывчатая картина мира вокруг приобретает более четкие очертания. Я вижу белый потолок в завитушках и полукружьях, совсем как потолок в спальне моего детства. Странно, я уже много лет не видела этого рисунка. Там даже есть едва заметная розовая отметина, точь-в-точь такая же, как на потолке комнаты моего детства, появившаяся, когда я швырнула в сестру губную помаду и промахнулась. Я озадаченно качаю головой. Серый абажур светильника в центре потоло-

ка мне тоже знаком; он усиленно дергает за ниточки моей памяти, точно малыш, который тянет меня за пальто, настойчиво требуя внимания, настойчиво требуя возвращения воспоминаний.

Я перевожу взгляд направо. Там стоит обклеенный стикерами комод, сосновый, на комодe — зеркало в раме из электрических лампочек. На столешнице никаких туалетных принадлежностей, но все до боли знакомо, и у меня перехватывает дух.

Я сажусь на постели, сердце колотится как сумасшедшее. И трудно дышать.

Мне страшно продолжать осмотр комнаты, но ничего не поделаешь — надо. Повернув голову, я вижу сосновый платяной шкаф, который, впрочем, и ожидала увидеть: дверца распахнута, внутри ряд пустых вешалок. Перед шкафом — черный чемодан и картонная коробка с надписью «Вещи Зои», нацарапанной черным маркером, и улыбающаяся рожица с высунутым языком. На картонной коробке стоит ящик изпод вина, на котором напечатано «Трешерс», ящик обклеен белым скотчем с многократно повторяющимся словом «Осторожно!», выведенным ярко-красными буквами. Даже не глядя, я знаю, что там упакованы мои бесценные CD-диски, которые я с любовью отобрала накануне ночью.

Я обвожу глазами комнату. На двери — пустой крючок, на котором, по идее, должен висеть мой халат; на полу лежит старый CD-плеер, обернутый пупырчатой пленкой; на письменном столе ни бумаг, ни ручек, только одинокий горшочек с парочкой тупых карандашей и маркером без колпачка. Это моя старая спальня, и выглядит она именно так, как в тот день, когда я уезжала в университет.

Сердце по-прежнему тревожно стучит, и я глубоко дышу, чтобы хоть как-то унять сердцебиение. Мне не о чем беспокоиться, это просто сон. Игры разума. Продолжай спать, а когда ты проснешься, все будет нормально, что бы там ни считалось нормальным.

Я кладу голову на подушку, закрываю глаза. Но искушение слишком велико, и когда я снова украдкой оглядываю комнату, то понимаю, что ничего не изменилось.

Какого черта со мной происходит?

Я откидываю одеяло, вылезая из кровати, осторожно шлепаю к зеркалу на комод. В зеркале отражаются пижамные шорты и майка — эту пижаму я не носила уже лет восемнадцать. Не знаю, готова ли я увидеть то, что меня ожидает, и тем не менее я усаживаюсь на край пуфика и бросаю нерешительный взгляд в зеркало.

У меня перехватывает дыхание. Нет, не потому, что это что-то ужасное. Это я, Зои. Но не тридцативосьмилетняя Зои, с привычными синяками под глазами, «гусиными лапками» и «хмурой» морщиной на лбу. Нет, я вижу восемнадцатилетнюю Зои, с розовыми щечками, без морщин — под глазами размазаны черные тени, как у Элиса Купера. Волосы, выкрашенные в странный красно-фиолетовый цвет, торчат во все стороны смешными рожками. Трясущейся рукой я приглаживаю волосы и хмурюсь. Однако на лбу не появляется ни морщин, ни вздутых вен; нет, лоб остается совершенно гладким.

Я хохочу во все горло. И подпрыгиваю от неожиданности. Ведь я уже давно не слышала своего громкого смеха. Но сейчас он вполне уместен, поскольку все это нелепо до невозможности.

Как такое может быть?

И я подумываю о том, чтобы вернуться в кровать, накрыть голову подушкой и притвориться, будто ничего не происходит. И все же мне любопытно. Да, я напугана и озадачена, но мне любопытно узнать, что еще может произойти. Так как, по правде говоря, я знаю, что все это не просто сон. Другой вопрос, откуда я это знаю, но сейчас это не важно. Все кажется очень реальным. словно я реально здесь, как бы безумно это ни звучало.

Однако я понятия не имею, как быть дальше. Что надо делать, если, проснувшись, вы оказываетесь в прошлой жизни? Имеется ли на этот случай какой-нибудь информационный листок или свод правил? И как долго придется находиться в прошлом до момента возвращения в настоящее? День, неделю, месяц? Вечность? Эта мысль приводит меня в дрожь.

Я встаю. В ногах валяется ворох одежды, которую я успела измять, лягаясь во сне. А ведь я прекрасно помню, как бесконечно долго выбирала наряд для своего первого дня в университете. Я переезжала в Ньюкасл и была приятно взволнована. И конечно, напугана, но в основном приятно взволнована.

— Жду не дождусь, чтобы поскорее отсюда уехать, — сказала я своей лучшей подруге Эми.

Хотя, в сущности, это было бравадой. Положа руку на сердце, я любила наш дом в Донкастере. Мне нравилось жить с мамой, папой и младшей сестренкой Беки. Да, я периодически ныла, само собой разумеется. Но я понимала, что мама с папой любят меня. Единственное, в чем я была абсолютно уверена. А в Ньюкасле я никого не знала, переезд туда должен был

стать для меня крутым поворотом. Сейчас даже трудно поверить, что я могла быть такой маленькой испуганной девочкой.

Я снимаю пижамные шорты и натягиваю на себя одежду, лежащую на кровати: колготки в черно-белую полоску, приталенное черное платье, очень короткое, растянутый, бесформенный кардиган. Придирчиво оглядываю себя. Странно, но сидит замечательно.

Я бросаю взгляд на прикроватный столик в поисках мобильного. И неодобрительно цокаю языком. (Интересно, а в своем сне я тоже цокаю языком?) Я улыбаюсь, представив, как глупо выгляжу со стороны. Это ведь 1993 год. А в 1993-м у меня еще не было мобильного. Ни у кого не было, если не считать бизнесменов, с их увесистыми, нелепыми кирпичами, прижатыми к уху. И тут на моих радиочасах высвечивается время: 8:10.

Я спускаюсь вниз — посмотреть, что происходит.

Помню, мама как-то сказала мне, что, когда я уехала в университет, она рыдала три дня подряд. Я ей не поверила. Она отнюдь не была плаксой, моя мама: она вертелась как белка в колесе, ухаживая за нами, и времени на капризы у нее не оставалось. Да и вообще, это было совершенно не в ее стиле.

Оказавшись внизу, я заглядываю в приоткрытую дверь на кухню и незаметно для мамы минуту-другую наблюдаю за ней. Она выглядит очень молодо, ее волосы не седые, а темно-каштановые. Она стала стройнее, и на ней блузка, а вовсе не один из бесконечных джемперов от «Маркса энд Спенсера», которые она сейчас предпочитает носить. Она кажется безум-

но красивой. Я уже и забыла, когда она была такой. Где-то за ее спиной монотонно бубнит радио. Мама одной рукой вынимает тарелки и кастрюли из посудомойки, а другой время от времени вытирает глаза бумажным носовым платком. И я неожиданно чувствую, как сердце переполняется любовью к ней.

Но тут Беки с шумом скатывается с лестницы и разрушает чары.

— Ну и с какого перепугу ты здесь стоишь? — спрашивает она.

Я смотрю на нее во все глаза не в силах заговорить. Ведь каждый раз при виде Беки я не перестаю удивляться, какой у нее взрослый вид. Так как она на четыре года моложе меня, я всегда относилась к ней как к своей маленькой сестричке, и видеть ее по-настоящему взрослой женщиной всякий раз становилось для меня настоящим потрясением. Но прямо сейчас передо мной именно та Беки, которую я рисую в воображении.

К тому же это, конечно, еще и кое-что доказывает: Беки меня видит, а значит, все происходит наяву.

Не дожидаясь ответа, Беки пронесется мимо меня на кухню.

— Мама, где моя хоккейная форма?! — кричит она.

— Вон там, милая, — встрепенувшись, отвечает мама и показывает на аккуратную стопку выглаженной одежды на кухонном прилавке.

Господи помилуй, моя мама просто святая!

Потом мама замечает меня и выдавливает слабую улыбку:

— Привет, дорогая! Мы готовы, да?

Свотмен К.

С25 Прежде чем ты уйдешь : роман / Клэр Свотмен ; пер. с англ. О. Александровой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-389-10975-9

Зои и Эд живут в согласии друг с другом, их дом полная чаша, только вот детей им Бог не дал, хотя они страстно мечтают о них. Однако именно желание непременно завести ребенка приводит к конфликтам в семье. Внезапно Эд погибает в автокатастрофе, и Зои с болью осознает, насколько близким и родным человеком был для нее муж. Зои постоянно вспоминает о счастливых временах, об их первом поцелуе, обо всем, что они создали вместе.

И вот происходит чудо: Зои получает возможность заново прожить дни, которые, как ей кажется, были знаменательными в ее отношениях с мужем. Первое знакомство, первый поцелуй, свадьба... Зои не знает, сколько дней ей удастся провести с любимым, но надеется, что одно крошечное изменение в начале пути сможет повлиять на дальнейший ход событий. Вдруг ей удастся изменить будущее и спасти Эда...

Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КЛЭР СВОТМЕН
ПРЕЖДЕ ЧЕМ ТЫ УЙДЕШЬ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерц
Редактор Ольга Давидова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Габовой
Корректоры Валентина Гончар, Татьяна Бородулина

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 17.01.2017. Формат 84 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 15 000 экз. Усл. печ. л. 18,72.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

HJJM1900601R